

Два десятилетия после окончания Второй мировой войны характеризуются глубокими изменениями в общем направлении развития архитектуры. Использование промышленных методов производства зданий позволило быстро восстановить разрушенный жилой фонд. Одновременно похожие процессы протекали как в странах социалистического блока, так и в Западной Европе и США. На основании теории информационных потоков в статье показаны закономерности развития архитектурного процесса. Приоритет высокого качества застройки приводит к сокращению количества зданий и, как следствие, к росту социальной напряженности. Период с конца 1940-х годов до конца 1960-х рассматривается как период оптимального баланса между количеством и качеством застройки.

Ключевые слова: архитектура; градостроительство; послесталинские реформы; теория информационных потоков. /

Two decades after the end of World War II are characterized by profound changes in the general direction of the development of architecture. The use of industrial methods in construction made it possible to quickly restore the destroyed housing stock. At the same time, similar processes took place both in the countries of the socialist bloc and in Western Europe and the United States. Based on the theory of information flows, the article shows the patterns of development of the architectural process. The priority of high quality construction leads to a reduction in the number of buildings and, as a consequence, to an increase in social tension. The period from the late 1940s to the late 1960s is considered as a period of an optimal balance between quantity and quality of the development.

Key words: architecture; urban planning; post-Stalinist reforms; theory of information flows.

Жилищное строительство 1950–1970 годов: баланс количества и качества / Housing of the 1950-1970s: The balance between quantity and quality

Введение

В середине XX века в развитии архитектуры и градостроительства стран, входивших в так называемый социалистический блок, произошли кардинальные изменения. Особенно ярко они проявились в области жилищного строительства. Доминирующий тип семейного дома на участке земли – уникального и долговременного места обитания нескольких поколений родственников – уступил место типовому стандартному жилью и массовой поточно-конвейерной застройке, лишенной специфических художественных черт и образных характеристик.

Переход строительной индустрии стран, в то время бывших социалистическими, на путь массового панельного домостроения, произошел в чрезвычайно краткие сроки (7–10 лет). Причем произошел он не под действием моды или естественной эволюции стиля, не под влиянием популярных образов или оригинального творческого метода, изобретенного кем-то из мастеров архитектуры. Он произошел принудительно, как обычно и происходили социально-культурные или организационно-управленческие перемены в сфере архитектуры и градостроительства в странах социалистического лагеря.

Инициатором выступил СССР, в котором смена парадигм жилищного строительства произошла в послесталинский период и вошла в историю европейско-азиатской архитектуры в неразрывной связи с именем Н. С. Хрущева. К сожалению, этот период и содержание реформ секретаря коммунистической партии СССР Н. С. Хрущева на сегодняшний день изучены явно недостаточно. Особенно таинственными выглядят причины и движущие силы, вызвавшие реформы.

Историография реформ жилищного строительства 1950–1970 годов

В трудах, посвященных теории и истории советской архитектуры 1953–1964 годов [1, 2], представлен обзор наиболее значимых построек и градостроительных проектов хрущевского периода. Однако в состав этих проектов включены лишь единичные, наиболее престижные, выдающиеся произведения (как правило, возведенные в Москве, Ленинграде или столицах союзных республиках в качестве экспериментов или в образцово-показатель-

ных целях). Однако совершенно не рассматривается массовая архитектура российской провинции, которая составляла 80–90% объемов индустриального жилищного строительства.

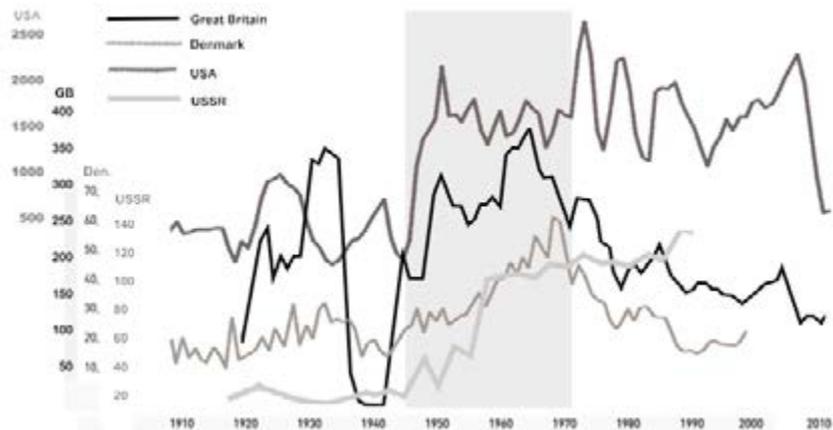
В новейшей историографии существует целый цикл монографий биографического характера, посвященных творчеству мастеров советской архитектуры, особенно расширившийся в постперестроечный период [3, 4]. Деятельность многих из этих архитекторов захватывает годы, относящиеся к интересующему нас периоду – 1953–1964. Однако в отношении этого и последующего периода детальный анализ их творчества либо вообще отсутствует, либо занимает исчезающе малую часть. Только иногда указывается на резкое изменение подхода к архитектурному проектированию, выразившемуся в «отказе от украшательства и архитектурных декораций» в их творчестве. Но ни в одном из этих монографических исследований не разъяснены причины, по которым мастера советской архитектуры в 1954 году изменили свои убеждения так же одновременно и так же кардинально, как это сделали конструктивисты в 1932-м.

Отсутствуют ответы на главные вопросы: почему был осуществлен отказ от проектирования помпезных ансамблей центров городов – характерных для сталинской архитектуры и градостроительства; какие причины заставили партийное руководство страной выдвинуть перед архитекторами в качестве первоочередной – задачу проектирования районов массовой жилой застройки с соответствующей инфраструктурой; каким было новое содержание профессиональной идеологии и проектной деятельности, принудительно привнесенное в архитектурную профессию вместо принципов проектирования сталинской эпохи?

Различные авторы новейшего периода [5, 6] связывают архитектурную и градостроительную реформу в СССР с политической трансформацией социалистического строя после смерти Сталина в 1953 году и приходом к власти Хрущева. Они описывают механизм принудительной трансформации содержания архитектурного и градостроительного проектирования и называют конкретные органы партийно-государственной власти, которые этот механизм приводили в действие.

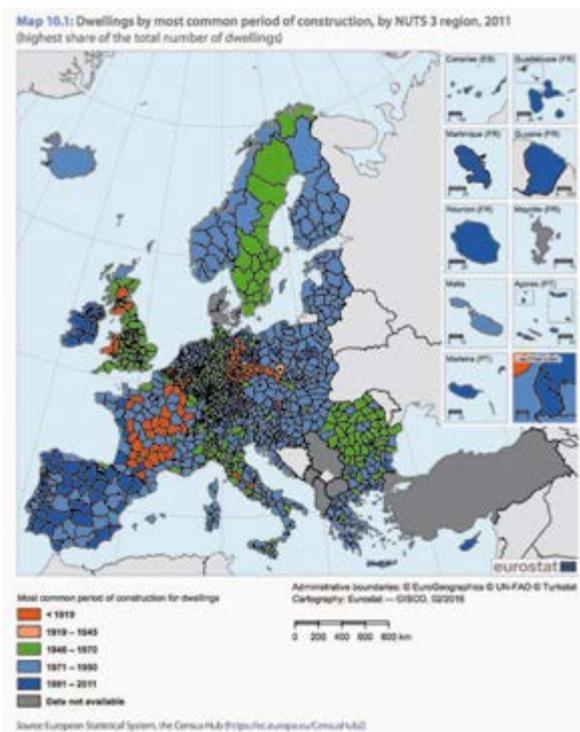
текст

**Константин Лидин
Марк Меерович /
text
Konstantin Lidin
Mark Meerovich**

< Рисунок 1. Динамика жилищного строительства в США, Великобритании и Дании (в тысячах построенных домов) и в СССР (в миллионах квадратных метров жилой площади). В 1950-1960 годах жилой фонд трех стран показывает одновременный интенсивный рост. После 1970 года европейские страны вернулись к идеологии высокого качества при снижении количественного роста. США продолжали наращивать жилой фонд вплоть до кризиса 2009 года. Аналогичной политики придерживался СССР, а затем – РФ (http://boligforskning.dk/sites/default/files/Housing_130907.pdf, <https://fullfact.org/economy/brief-introduction-housing-issues/>)

> Рисунок 2. На карте показаны годы постройки жилых домов, преобладающих в различных регионах Европы. Как видно из рисунка, дома, построенные в период 1946 – 1970 гг., продолжают составлять основу жилого фонда во многих европейских странах (Source European Statistical System, The Census Hub (<https://ec.europa.eu/CensusHub2>))

Однако если в отношении СССР смену парадигмы жилищного строительства можно представить как волонтаристскую инициативу нового советского вождя, то как объяснить широкое распространение новой парадигмы жилищного строительства в странах советского блока, а тем более в так называемых неприсоединившихся странах и странах Запада?

Мнения исследователей подчас расходятся диаметрально. Так, Елена Живанчевич однозначно связывает реформы в послевоенной строительной политике Югославии с волевыми решениями Иосипа Броз Тито и Радована Зоговича по внедрению социалистического реализма в теорию и практику сербской архитектуры [7]. Напротив, Диана Милашинович-Марич связывает

реформы с преодолением идеологии социалистического реализма и зарождением автохтонной национальной школы градостроительства [8].

Общий анализ развития жилищного строительства в Западной Европе показывает, что в середине XX века и там происходили аналогичные изменения. И они точно никак не были связаны с политическими реформами в Советском Союзе. Например, в Дании массовый переход к типовой застройке (и, как следствие, быстрому росту обеспеченности недорогим жильем) также происходил в течение 1950-х – начала 1960-х годов. В качестве причины Ханс Вестергард указывает политику социал-демократического правительства, озабоченного дефицитом жилья и угрозой массовой безработицы и социальных волнений [9].

В Великобритании изменение жилищных стандартов происходило под лозунгом *A separate house for every family that wishes to have one* («Каждой семье, которая этого захочет, – отдельный дом») и принимало те же формы перехода к промышленному сборному домостроению, типовому проектированию и застройке, снижению стоимости жилья и быстрому росту жилой площади на душу населения, что и в СССР. В качестве движущей силы этих процессов указывается политическая воля правительства, заботящегося о бездомных и разоренных войной гражданах [10].

В США аналогичные процессы протекали примерно в те же сроки и объяснялись стремлением к росту благосостояния среднего класса [11].

Итак, в самых различных странах в период 1950–1960 годов, вне зависимости от их политического строя, идеологии правящей партии, степени развития индустриальной базы строительства, степени жилищного нужды и проч., происходили сравнительно быстрые (7–10 лет) и глубокие изменения в идеологии жилищного строительства и практике применения внедряемых технологий поточной-конвейерной изготовления и монтажа домостроений. И в Советском Союзе, и в западных странах они выражались фактически в одинаковых позициях, таких как:

- отказ от уникальных архитектурных проектов каждого здания в пользу типового проектирования;

- отказ от декора фасадов и интерьеров в пользу утилитарного минимализма;
- переход к массовому использованию технологий сборного домостроения из готовых деталей промышленного производства.

Как следствие всего перечисленного – быстрый рост обеспеченности населения жильем.

В СССР, где почти 2/3 населения страны проживали коммунальным образом, был осуществлен отказ от идеологии коллективного жилья в пользу индивидуального (отдельная квартира для каждой семьи).

Можно заметить, что аналогичные процессы в странах Восточной Азии начались на три десятилетия позже (в 1980-х годах), но приняли сходные формы. В Китае и Индии в те годы отмечался быстрый рост обеспеченности населения жильем при столь же быстром снижении среднего размера семьи (что отражает социальный тренд в сторону индивидуализма) [12].

Строительство как информационный поток

Опираясь на теорию потоков, попробуем объяснить цивилизационное сходство тенденций развития архитектуры и градостроительства в странах, кардинально отличавшихся друг от друга: а) политической и управленческой системами, б) идеологией отношения к индивидуальному жилищу, в) различными темпами протекания урбанистических процессов, г) различным характером экономического и хозяйственного укладов, д) особенностями климата и проч.

Итак, очевидно, что застроенная жилыми домами территория является более упорядоченной, чем незастроенный пустырь. Следовательно, имеет смысл рассмотреть процесс застройки в качестве насыщения пространства (территории) информацией. Застраивая территорию, человек обеспечивает поток упорядочивающей информации на эту территорию.

В общем случае информационный поток характеризуется двумя независимыми параметрами – количеством информации и ее качеством. Качество информации представляет собой ту долю, которую в общем потоке занимает полезная (релевантная) информация. Бесплезная (случайная, нерелевантная) часть потока снижает качество информации. В классической теории Шеннона релевантную часть информационного потока называют «сигнал» (signal), а нерелевантную – «шум» (noise).

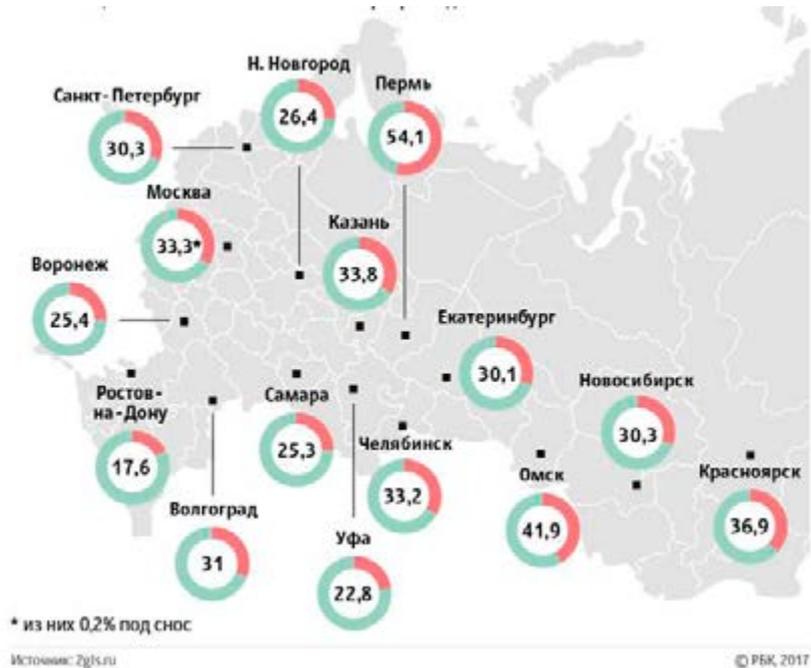
В архитектурно-строительной практике полезной информацией следует считать ту часть застройки, которая соответствует нормативам и стандартам, принятым в данном месте. Некачественная, ненормативная застройка будет представлять собой «шум».

Разнообразные контролирующие структуры, призванные для соблюдения нормативов, стремятся понизить количество некачественных строений. Для этого общий информационный поток фильтруется на разных стадиях общего процесса: архитектурный проект проходит множество согласований, работа строителей контролируется специальной комиссией и т. д. Зачастую в процессе отсеивания «шума» активно участвуют будущие жильцы, архитекторы (так называемый авторский надзор), соседи будущего жилья, городская и квартальная общественность и пр. Вся их деятельность направлена на то, чтобы повысить качество общего информационного потока застройки:

$$P = B / (B + \frac{1-B}{m}), \quad (1)$$

где P – качество информации в потоке после фильтрации; B – исходное качество информации в потоке; m – эффективность фильтрующих процедур, $1 \leq m \leq \infty$.

При этом количество информации в потоке (то есть, количество построенного жилья) уменьшается на величину отфильтрованного «шума»:

$$N_p = N_b * (B + \frac{1-B}{m}), \quad (2)$$

где N_p – количество информации в потоке после фильтрации; N_b – количество информации в потоке до фильтрации.

Очевидно, при наращивании эффективности фильтра вся некачественная информация (застройка) может быть исключена, так что все строящиеся дома будут полностью соответствовать всем нормативам и стандартам:

$$P_{max} = \lim_{(m \rightarrow \infty)} (m * B / (1 + B(m - 1))) = 1 \forall B \in (0; 1). \quad (3)$$

В реальности, однако, ситуация обычно выглядит сложнее. Кроме несомненных вариантов, которые все участники процесса однозначно определяют как «качественные» или «некачественные», имеет место заметная часть общего информационного потока, которая выглядит спорно и неоднозначно. Особенно сильно эта неопределенность заметна в вопросах, связанных с эстетической сферой архитектурного проектирования. То, что кажется красивым и правильным одним людям, для других выглядит безобразно и nepозволительно. Лепнина, скульптуры и прочий декор у одних экспертов вызывает восхищение, а у других – отвращение. С подобным субъективизмом ничего нельзя поделаться: он заложен в самой природе эстетики.

Обозначим неопределенную долю информационного потока (с неопределимой релевантностью) как n. Тогда:

$$P_{max} = \lim_{(m \rightarrow \infty)} (m * B - (1 + (m - 1) * (B + n))) = 1 \leftrightarrow B=1, n=0. \quad (4)$$

Как видно из уравнения, в этом случае полностью отфильтровать некачественную застройку невозможно: пока сохраняется неопределенность в критериях оценки, качество никогда не будет равно единице. Но фильтрующие (контролирующие) структуры, как правило, не осознают этого. Они пытаются достичь желаемого предельного качества, отсекая все новые и новые доли общего информационного потока, то есть сокращая масштабы застройки.

Перед Второй мировой войной в СССР преобладал приоритет высокого художественного качества жилых домостроений и комфорта планировочных решений квартир. Подобное длилось как минимум на протяжении

^ Рисунок 3. Доля панельных домов хрущевского периода в жилом фонде крупных городов РФ (<http://www.rbc.ru/society/05/06/2017/58f8b8899a794717aff8693c>)

двадцати пяти лет – примерно с конца 1920-х по начало 1950-х годов. В СССР это высокое художественное качество отделки фасадов и интерьеров, а также комфорт достигались за счет предельно малых объемов строительства в рамках стиля, называвшегося в Советском Союзе сталинским ампиrom из-за его направленности на «переосмысление» классицистического декора под углом советской идеологии. Жилые дома данного вида предназначались для заселения его партийно-советской элитой, высокопоставленными учеными и деятелями культуры. Дома сталинского классицизма расценивались официальной пропагандой как показательное достижение советского строя – образец того, как в «неизбежном коммунистическом будущем» будут жить не только представители элиты, но и все население страны. Яркий пример составляют московские сталинские жилые высотки, которые и сегодня, несмотря на почтенный возраст, демонстрируют рекордную величину стоимости жилья, доходящую до миллиона рублей за квадратный метр.

Оптимизация баланса количество/качество как путь решения социальной жилищной проблемы

Высокое качество элитного жилья достигалось за счет крайне малого (и все уменьшающегося) количества. Недавно рассекреченная «Справка ЦСУ СССР Л. М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940–1952 гг.» (<http://istmat.info/node/18429>) содержит сведения, согласно которым рост жилого фонда в послевоенном СССР систематически отставал от роста населения. Всего 3–5% людей имели возможность жить в высококачественных домах. Средняя обеспеченность жильем составляла от 4,8 до 6 квадратных метров на человека и практически не росла. Вместо этого быстро увеличивалась доля людей, проживающих в бараках, самостроенных «нахаловках» (своеобразные «фавелы») и тому подобных трущобах. Иначе говоря, общий информационный поток застройки разделся на два – официальный, с очень высоким качеством, но исчезающе слабый, и неофициальный – с нарастающим количеством строящихся домов, но крайне низкого качества.

Растущее социальное напряжение, вызванное эскалацией неравенства в отношении жилья, заставило правительство страны пересмотреть идеологию и политику в области жилищного строительства. Неопределенность и субъективность были кардинально уменьшены за счет перехода к типовому проектированию и технологиям сборного домостроения. Жесткость контроля за качеством домов также уменьшилась – это вызвало снижение качества строительства, но зато позволило резко увеличить количество строящегося жилья. На фоне мощных глобализационных процессов, происходивших в послевоенном мире, подобные ситуации возникали и решались одинаковым образом в самых разных странах Европы, Америки и Западной Азии.

Заключение

Несмотря на минувшие десятилетия, опыт смены парадигмы жилищного строительства остается актуальным, по крайней мере по двум причинам. Бурный рост архитектурно-строительной сферы во многих случаях обеспечил жилой фонд на много лет вперед. И сегодня в домах из сборного железобетона живут миллионы людей. Например, только в Болгарии в 710733 квартирах в «панельках» живет более 1,5 млн человек (<http://www.bulgarianproperties.bg/>). Дома, построенные в 1950–1970 годах, преобладают во многих регионах Восточной, Центральной и Северной Европы. По-видимому, именно в этот период был найден оптимальный баланс между качеством жилья и его количеством.

Вторая причина считать данную тему актуальной – возможность ее повторения. Миграционные процессы

в современном мире не уступают тем, которые сопровождали мировые войны. Поток новых жителей, переселяющихся в Европу, снова ставит вопрос об обеспечении людей достаточным количеством жилья и об оптимальном качестве жилищного строительства.

Литература

1. История советской архитектуры, 1917 – 1958 гг. / под общ. ред. Н. В. Баранова, Н. П. Былинкина. – Москва : Госстройиздат, 1962. – 347 с.
2. История советской архитектуры, 1917–1954 гг.: учебник для архитектурных вузов. Спец. «архитектура» / под общ. ред. Н. П. Былинкина, А. В. Рябушина. – Москва : Стройиздат, 1985. – 256 с.
3. Жизнь архитектора Душкина. 1904–1977: книга воспоминаний / сост. Н. Душкина. – Москва : А-Фонд, 2004. – 381 с.
4. Хан-Магомедов, С. О. Михаил Барщ. – Москва : Фонд «Русский авангард», 2009. – 204 с.
5. Хан-Магомедов, С. О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. – http://www.niitagi.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy (дата обращения: 10.11.2020).
6. Хмельницкий, Д. Конец стиля. К пятидесятилетию гибели сталинской архитектуры // Проект классика. – 2004. – № 4 (13). – С. 142–149.
7. Živančević, J. Soviet in content – people's in form: the building of farming cooperative centers and the soviet-Yugoslav dispute, 1948–1950 // SPATIUM International Review. – 2011. – N 25. – P. 39–49.
8. Milašinović-Marić, D. Housing development in the 1950s in Serbia – typical examples of residential blocks built in Belgrade // SPATIUM International Review. – 2012. – N 28. – P. 30–36.
9. Vestergaard, H. A short history of housing and housing policy in Denmark since 1945 // Housing in Denmark. – København, 2007. – P. 10–19.
10. Drury, A., Watson, J., Broomfield, R. Housing Space Standards, HATC. – London, 2006. – 188 p.
11. Construction and Housing // Historical statistics of the United States, colonial times to 1970. – Washington : U. S. Dept. of Commerce, Bureau of the Census, 1975. – T. 2. – 42 p.
12. D'Arcy, P., Veroude, A. Housing Trends in China and India // Reserve bank of Australia Bulletin. – 2014. – March. – P. 63–68.

References

- Baranov N. et all (1962). History of Soviet Architecture. Moscow, Stroyizdat
- Bylinkin N. et all. (1985) History of Soviet Architecture (1917–1954). Moscow, Stroyizdat
- Chmelniczki D. (2004) End of Style. On the Fiftieth anniversary of Stalin's Architecture Death. Project Classic, N 4(13), 142–149
- D'Arcy Patrick & Veroude Alexandra (2014) Housing Trends in China and India, Reserve bank of Australia Bulletin, March quarter, pp. 63–68
- Drury A., Watson J. & Broomfield R. (2006) Housing Space Standards, HATC/Mayor of London, Greater London Authority, London
- Historical statistics of the United States, colonial times to 1970 (1975) Washington : U.S. Dept. of Commerce, Bureau of the Census. T.2, Chapter N: Construction and Housing. – 42 pp.
- Khan-Magomedov S. (2009) Mikhail Barsch, Moscow, Russian Avant guard foundation
- Khan-Magomedov S. Khrushchev's utilitarianism: pros and cons. URL: http://www.niitagi.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy
- Life of Architect Dushkin. 1904-1977. Book of Memories. (2004) Moscow, A-Fond Publishing house
- Marić Dijana Milašinović (2012) Housing development in the 1950s in Serbia – typical examples of residential blocks built in Belgrade, SPATIUM International Review No. 28, pp. 30-36
- Vestergaard, H (2007) A short history of housing and housing policy in Denmark since 1945. in H Kristensen (ed.), Housing in Denmark. Centre for Housing and Welfare – Realdania Research, København, pp. 10–19
- Živančević Jelena (2011) Soviet in content – people's in form: the building of farming cooperative centres and the soviet-yugoslav dispute, 1948-1950, SPATIUM International Review No. 25, pp. 39–49